А. А. Б...

О СТОЛЕТИИ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

СТЕНОГРАММА РЕЧИ НА ЮБИЛЕЙНОМ ЗАСЕДАНИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

М. Сосновский, искусство, 27/IV 32 г.

I.

Товарищи! Крупнейшее значение театра в советской культуре трудно переоценить. Театр знает, что в нашем деле мы всегда подчинялись, подчиняемся и будем подчиняться не только фронту искусств, но и культурной революции. Театр вошел в эпоху Октября на фронте пролетарской России и наше театральное искусство в революции социальной.

Отсюда вытекает, что перед нами стоит задача в нашей сфере приблизить рабочему классу, который является не только диктатором всей социалистической культуры, и чем, мы прекрасно знаем, пути развития театра в стране стоят тесно связанными, на фронте борьбы с борьбой на основе «точного знания» («переработки» культуры, «создания всем достоянием человечества»).

И торжественным собранием, посвященным столетнему юбилею Александринского театра, Ленинградским государственного театра драмы, мы обдумаем должное одному из старейшинов, сделавшему свою сцену, историческую путь развития которого остаёмся нам — наследство безусловно культурных ценности.

Из ста лет существования и работы Александринского театра 80 лет прошло в условиях самодержавия, но одно 15 лет пальзуе на эпоху советской власти.

Большая часть истории театра приходится на самые темные периоды царизма, которые Ленин называл «позором и проклятием России».

Театр возник в эпоху крепостничества, в самую мрачную пору в истории этого рабского уклада — в николаевскую эпоху.

Белинский когда-то писал, что николаевская Россия представала собой «грязное пятно» страны, так мало торжествует дальше, для лет до только из каких гарантий для личности, чести и достоинства, не для лет, а даже в полной свою порыва, а есть только огромные корпорации скупленных воров и грабителей».[1]

Театр возник и начал свое развитие в 30-е годы XIX в., «в одну из самых мрачных эпох» николаевского времени и в его атмосфере.[2]

Европа не находит достаточно слабых и бичующих слов для того, чтобы выразить ужас, отвращение и презрение к эпоху в истории России. «Ужасная, ужасная, — пишет он об этих годах, — было обычным порядком бушующая вся страна; кругом гауль, молчание, все было безопасно, бесчувственно, безнадежно и другим чувствам не было места, кроме мелко. Вокруг, исканий сочувствия, потерпел лакейскую угрозу или ирониями, и нет ничего, кроме ужаса, ужаса, ужаса».[3]

При этом, театр возник в тогдашнем Петербурге, который был средоточием николаевского самодержавия, сильным проявлением полицейщины, цитадели, ставшего военного, мерзкого, ненавистного, николаевщина и одновременно запоминается дворянского быта и подлинности торгово-промышленной буржуазии.

Недаром известный французский путешественник Кюстин, посетивший Россию, Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал о русском государственном строе, что «это — не монархия, это военная монархия, умеренная убийствами», «это — перманентное военное положение, ограниченное подлинностью линии государства», а о николаевском Петербурге, что «это — штаб-квартира армии, а не столица государства».[4]

Александринский театр с предельной точностью отразил все характерные особенности своего времени, отразил и отразил. На нем и его развитии сказались как крепостной государственный строй того времени, так и своеобразие положения и состояния классовых сил в 30—50 годах прошлого столетия.

М. Н. Покровский писал, что «николаевское царствование было промежуточным».[5]

На почве аграрного кризиса в условиях хронистичества катастрофическая застрой расширенность помещичьего хозяйства, что приводит к тому, что большая часть дворянских имений в эти годы была заложена в Государственном банке. Эти же обстоятельства вызывают проникновение буржуазных отношений в область сельского хозяйства. Это делает все дворянство то за времени сговорчивым и верноподданным.

Одновременно с этим в эти годы именно место развитие промышленности в торговлю, 30-е годы, по словам М. Н. Покровского, были «началом развития промышленного капитализма» в России. Эти же годы знаменитые рост и развитие ленинского торгово-промышленной буржуазии. Все эти условия создавали почву для снова торгово-промышленной буржуазии с правящей дворянской группой. При этом надо иметь в виду, что крепостники-помещики были, как указывал Ленин, «господствующим классом в дореформенной России».[6] Надо иметь также иметь в виду, что, как писал М. Н. Покровский, — «Общественный состав» в «Российской» полицейская корпорация «служебных ворон и грабителей». Поэтому в театре проводились принципы Императорского дворянского неофеодальными надворно-дворянскими

[1] Ленин, т. XXV, стр. 357.
[2] В. Белинский. Письмо Н. В. Гоголю (1847) [illegible]
[3] Герцен. «Былое и думы». III том. Изд. 1903 г., стр. 68.
[4] Там же, стр. 65.
[5] Д-Кюстин — Николаевская Россия. [illegible] Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1930 г., стр. 61 [illegible]
[6] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Том I-II. стр. 130.
[7] Ленин. Том XI, ч. 1, стр. 17.
[8] Покровский. Русская история. Том IV, стр. 58.

Нарком по просвещению А. Бубнов

и военской эпохи, когда эта часть «правящего сословия» была основанной бюрократией и сей рассуждал более о поступлении Гаврилы Державина, чем правдами «крепостных-помещиков, основою которой уходило и подобострастие перед ними тогдашнего николаевского времени, в том числе и в особенности простолюды петербургские».

Таким образом рост буржуазии в стране не надежда и не мог выводить в императорский Александринский театр, а, наоборот, «сомкнулось замкнулось на основе» крепостника, а выборгский буржуазии, идущая на почву у самодержавной крепостнической политики, поддерживала «патриотическую» политику, тем самым подчинялся и ставился в зависимость от крепостника-помещика